

УДК 1:94

DOI: 10.17072/2078-7898/2017-2-190-198

КРИТИКА ИСТОРИЦИЗМА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ ЛЕО ШТРАУСА

Дёмин Илья Вячеславович

Самарский национальный исследовательский университет им. акад. С.П. Королёва

В статье рассматриваются мотивы и основания критики историцизма в политической философии Лео Штрауса. Выявлены и упорядочены основные аргументы, выдвинутые Штраусом против принципа историцизма. Все возражения Штрауса разделены на две группы. К первой отнесены те аргументы, которые оспаривают не само содержание принципа историцизма, но приписываемое ему значение в контексте философского и научного познания, ко второй группе — содержательные возражения против историцизма. Штраус анализирует и сопоставляет различные версии историцистской философии, выявляет их общий знаменатель, прослеживает генезис историцизма как культурно-исторического релятивизма. Сердцевину всякой историцистской концепции составляет презумпция исторической обусловленности философии и констатация невозможности универсальных ответов на философские вопросы. Историцизм рассматривается Штраусом в качестве вызова, с которым столкнулась современная философия. Ключевую роль в разложении классической философской традиции и становлении историцистских концепций, согласно Штраусу, сыграла утвердившаяся в новое время идея прогресса. Штраус собирает воедино все основные возражения и аргументы, которые высказывались против историцизма представителями различных философских течений XX в. Вклад Штрауса в критику историцизма заключается в обосновании тезиса о том, что данный принцип не может иметь исторического и эмпирического обоснования, но представляет собой внутренне противоречивую философскую установку. Штраус убедительно показал, что позиция историцизма не может быть опровергнута историческими фактами и аргументами, она может быть лишь отвергнута во имя какого-то иного (не менее фундаментального, чем историцизм) философского принципа.

Ключевые слова: историцизм, историцизм, история, философия истории, релятивизм, классическая философия, Лео Штраус.

CRITICISM OF HISTORICISM IN LEO STRAUSS' POLITICAL PHILOSOPHY

Ilya V. Demin

Samara University

The article discusses the motives and foundations for criticism of historicism in Leo Strauss' political philosophy. The major arguments against the principle of historicism suggested by Strauss are identified and ordered. All objections made by Strauss are divided into two groups. The first one includes those arguments which challenge not the content of the principle of historicism itself, but the value attributed to it in the context of philosophical and scientific knowledge. The other group includes substantive objections to historicism. Strauss analyzes and compares different versions of historicism philosophy, identifies their common denominator, traces the genesis of historicism as a cultural and historical relativism. The core of any historicism concept are the presumption of historical dependence of philosophy and the statement on the impossibility of universal answers to philosophical questions. Historicism is regarded by Strauss as the main challenge that modern philosophy is facing. According to Strauss, the idea of progress, firmly established in modern times, played the key role in decomposition of the classical philosophical tradition and formation of historicism concepts. Strauss brings together all the major objections and arguments that were declared against historicism by representatives of various philosophical trends of the 20th century. Strauss' own contribution to the criticism of historicism is the substantiation of the thesis that this principle cannot have historical and empirical justification,

but is a self-contradictory philosophical idea. Strauss convincingly showed that the position of historicism cannot be refuted by historical facts and arguments. It can only be rejected in the name of some other (not less fundamental than historicism) philosophical principle.

Keywords: historism, historicism, history, philosophy of history, relativism, classical philosophy, Leo Strauss.

В европейской философии XX в. представлены различные стратегии критики историцизма. Среди наиболее известных критиков историцизма следует назвать Г. Риккерта [1], Э. Гуссерля [2], К. Поппера [3], С.Л. Франка [4], К. Ясперса [5].

Множественность стратегий критики историцизма связана, во-первых, с многогранностью данного явления, а во-вторых, с наличием нескольких различных трактовок принципа историцизма («романтический» историцизм, гегелевский историцизм, марксистский историцизм, неклассический историцизм Кроче и Коллингвуда, «герменевтический» историцизм Хайдеггера и Гадамера) [6; 7, с. 114–148].

Критика историцизма велась с позиций неокантианского трансцендентализма (Г. Риккерт), феноменологии как строгой науки (Э. Гуссерль), критического рационализма (К. Поппер, Ф. фон Хайек), русской философии всеединства (Л.П. Карсавин, С.Л. Франк) [8, 9]. Стратегии критики историцизма, представленные в различных философских течениях XX в., направлены на выявление общего знаменателя основных трактовок историцизма. Важное место в этом ряду занимает Лео Штраус, который проанализировал генезис историцистских идей в новоевропейской философии и дал всестороннюю критику историцизма с позиций классической философской традиции и естественно-правовой теории.

Штраус и в России, и на Западе известен, главным образом, как политический мыслитель, возродивший традицию классической политической философии [10–12], и один из теоретиков неоконсерватизма. Философско-исторические взгляды Штрауса известны в меньшей степени, а между тем именно трактовка истории и принципа историцизма во многом определяет своеобразие его политической философии.

1. Что такое историцизм?

Историцизм, согласно Штраусу, не является лишь одной из многочисленных философских школ современности, историцизм — это «мощная движущая сила, оказывающая влияние на всю современную философскую мысль» [13, с. 103]. В определенном смысле историцизм есть выражение духа современной эпохи: «В той степени, в которой мы вообще можем говорить о духе вре-

мени, мы с уверенностью можем утверждать, что историцизм — это дух нашего времени» [13, с. 103]. Историцизм создает новую ситуацию для философии вообще и для политической философии в частности.

Историцизм рассматривается Штраусом в качестве *вызова*, с которым столкнулась современная философия. Своей высшей точки историцизм достигает в европейском (германском) *нигилизме*. В статье «Германский нигилизм» [14] Штраус отмечает, что проистекающая из историцистской философии идея культурно-исторической обусловленности науки является *нигилистической* по своей сути: «Кто бы ни признавал, к примеру, идею нордической, германской или фаустовской науки, тем самым он, как минимум, отвергает саму ее идею. Различные “культуры” могут создавать различные виды “науки”, но лишь один из них может быть подлинным, может быть Наукой» [14, с. 195].

Историцизм ставит под вопрос не ту или иную философскую систему, но возможность существования философии как таковой. Штраус исходит из наличия в истории философии фундаментальных проблем, которые «сохраняют свою идентичность при всех исторических изменениях, как бы они ни затмевались временным отрицанием их значения и как бы ни были изменчивы или предварительны все человеческие решения этих проблем» [15, с. 37]. Сам факт усмотрения в истории философии универсальных проблем (таких как, например, проблема справедливости в политической философии) освобождает человеческий ум от исторической ограниченности и возвышает мыслителя над конкретно-исторической ситуацией. Тем самым Штраус возвращается к первоначальному, сократовскому, пониманию философии. Философия есть *знание о незнании*, осознание фундаментальных проблем и фундаментальных альтернатив их решения. В разные эпохи и разными мыслителями эти проблемы понимались и решались по-разному, осознавались с большей или меньшей ясностью, однако возможность усмотрения «вечных» проблем философии сама по себе уже свидетельствует о том, что человеческая мысль способна преодолеть историческую ограниченность.

Ориентация Штрауса на классический тип философской рефлексии отчетливо просматривается в следующем фрагменте: «Философия возможна только в том случае, если существует некий абсолютный или естественный кругозор, в отличие от исторически изменяющихся кругозоров или пещер» [15, с. 39]. Примечательно обращение Штрауса к платоновской метафоре «пещеры»: философия возможна лишь в том случае, если человек *в принципе* способен выбраться из «пещеры», трансцендировать собственную историческую обусловленность. «Человек хотя не способен к постижению мудрости, или к полному пониманию целого, но способен знать, что он не знает, т. е. способен к восприятию фундаментальных проблем» [15, с. 39]. Такое понимание философии предопределяет неприятие Штраусом историцизма, который стремится навсегда запереть человеческий разум в «пещере» исторической эпохи или культуры.

Суть историцизма Штраус усматривает в невозможности сохранить различие между собственно *философскими* и *историческими* (и культурологическими) вопросами. Различие между *философией* и *историей философии* было конститутивным и основополагающим для всей классической философской традиции. Первым, кто продемонстрировал относительность этого различия, обосновав сущностное единство философии и истории философии, философских и историко-философских вопросов, был Гегель. Гегель в своих историософских построениях, как известно, исходил из идеи «конца истории», рассматривая собственную историческую эпоху как «абсолютный момент, конец значимого времени» [13, с. 97]. Признавая историческую обусловленность всякой философской системы прошлого (каждое философское учение есть выражение духа той или иной эпохи), Гегель делал исключение для собственной философской системы. Гегель, по словам Штрауса, «примирил “открытие Истории” <...> с философией в изначальном значении слова» [13, с. 134]. Именно с Гегеля начинается триумфальное шествие историцизма, хотя предпосылки для «открытия истории» в новоевропейской философии складывались, согласно Штраусу, на протяжении XVII–XVIII вв. В XX в. гегелевский тезис о тождестве философии и истории философии был радикализирован Хайдеггером.

Штраус усматривает наиболее важную особенность историцизма в том, что философские вопросы трансформируются в вопросы *исторические*. Так, в области политической философии

традиционный *философский* вопрос о наилучшем и справедливом политическом порядке в историчистских концепциях XIX и XX вв. заменяется *историческим* вопросом о вероятном и желаемом будущем.

Сердцевину всякой историцистской концепции составляет презумпция исторической (культурно-исторической) обусловленности всякой философской системы. Так, например, в области политической философии, которая всегда приоритетно интересовала Штрауса, разнообразие противоречащих друг другу и даже взаимоисключающих концепций с точки зрения историцизма должно рассматриваться как *следствие* разнообразия исторических и политических ситуаций. С позиций историцизма та или иная конкретная версия политической философии, порожденная определенными историческими условиями, не может претендовать на универсальную значимость.

Наиболее последовательные историцисты полагают, что универсальные вопросы традиционной философии не могут быть не только решены, но даже *поставлены*. Это связано с тем обстоятельством, что исторически обусловленными являются не только *ответы*, но и сами *вопросы*. Историцизм требует признать историчность не только каждого отдельно взятого философского учения, но и *философии как таковой* [13, с. 105]. Историцизм неизбежно входит в противоречие с самой идеей философии. Речь идет о противоречии между претензией философии на неисторическое постижение истины и ее неизбежной исторической обусловленностью: «Есть неизбежное противоречие между стремлением философии и ее судьбой, между неисторическим устремлением философских вопросов и их судьбой навсегда остаться “исторически обусловленными”» [13, с. 114].

Согласно историцизму ни один ответ на универсальный философский вопрос не может иметь универсальной значимости и не является окончательным. Однако, провозглашая этот тезис, сторонники историцизма впадают в противоречие, полагая невозможность разрешения философских вопросов в качестве *универсальной и внеисторической истины*. «Только при одном условии, — отмечает Штраус, — историцизм мог бы претендовать на то, что он порвал со всеми претензиями на окончательность, если бы он представил историцистский тезис не просто как истинный, но как *истинный лишь на время*» (курсив мой. — И.Д.) [13, с. 116]. Речь идет о том, что сторонник историцизма должен осознать историческую обусловленность не только точки зрения классической

(неисторической) философии, но и собственной точки зрения, иными словами, «историцизм должен быть применен к самому себе» [13, с. 116].

Штраус подчеркивает, что «если историцистский тезис верен, то мы не сможем избежать того вывода, что этот тезис “историчен” или действителен, в силу своей многозначности, только для особой исторической ситуации» [13, с. 116]. Наивный или догматический историцизм, таким образом, трансформируется в историцизм *критический*, который более не претендует на статус универсального принципа и окончательной истины. Будучи историзированным, принцип историцизма оказывается соотношенным уже не с человеческим бытием *как таковым*, но лишь с условиями существования *современного* человека. Такая трансформация историцизма допускает и даже подразумевает, что «он будет заменен в свое время позицией, которая не является более историцистской» [13, с. 117]. Одно из важных направлений критики историцизма в философии Штрауса, таким образом, заключается в *деуниверсализации* этого принципа.

2. Идея прогресса и генезис историцизма. Историцизм и классическая философия

Особое внимание Штраус уделяет вопросу о происхождении историцизма в новоевропейской философии, генезисе «идеи истории». Противопоставление двух типов философской рефлексии, классической неисторической философии и историцизма нового времени проходит красной нитью сквозь все рассуждения Штрауса о политической философии и естественном праве.

Ключевую роль в разложении классической философской традиции и становлении историцистских концепций сыграла утвердившаяся в Новое время *идея прогресса*. Суть ее в том, что более позднее по времени считается более *зрелым* и *совершенным*. Штраус отмечает, что поскольку историцизм появляется позже, чем неисторичная политическая философия, то у некоторых мыслителей складывается обманчивое впечатление, будто «сама история вынесла решение в пользу историцизма» [13, с. 107]. В основании этого заблуждения лежит ничем не подкрепленная вера в неизбежность и неуклонность прогресса.

Прогрессицистские теории XVIII и XIX вв. (французские просветители, Гегель, Конт) рассматриваются Штраусом как важнейший этап на пути становления современного историцизма. Вера в прогресс «стоит на полпути между неисторическим взглядом философской традиции и исто-

рицизмом» [13, с. 111], а «“рационализм” XVII и XVIII столетий был в основе своей куда более “историчным”, нежели “рационализм” до-современной эпохи» [13, с. 104]. В чем Штраус усматривает сходство прогрессицистских теорий исторического развития с классической философской традицией, представленной философскими системами Платона, Аристотеля, Декарта, Спинозы? Главное сходство заключается в признании неизменных (субстанциальных) и универсально значимых критериев, не требующих и не предполагающих *исторического* и эмпирического обоснования. В то же время прогрессицистские теории всемирной истории отклоняются от классической философской традиции в том, что постулируют «поступательное движение мышления и институтов по направлению к порядку, полностью согласующемуся с определенными универсальными требованиями человеческого величия» [13, с. 111]. Ключевая роль в движении от классического субстанциализма к историцизму принадлежит Гегелю, который осуществил «синтез» философии и истории.

Сторонники историцизма, продолжая начинание французских просветителей и Гегеля, делают следующий шаг на пути дальнейшего разрыва с классической философской традицией. Представители раннего историцизма (немецкая историческая школа) подвергли прогрессицистские теории *исторической* (но не философской) критике. Они показали, что «прогрессицистский» взгляд на историю «основывался на совершенно недостаточном понимании прошлого» [13, с. 111]. Невозможность адекватного понимания прошлого в контексте прогрессицистских схем всемирной истории связана с тем обстоятельством, что «мы не можем быть страстно, всерьез заинтересованы в прошлом, если мы знаем заранее, что настоящее в самом важном отношении превосходит прошлое» [13, с. 111]. В контексте прогрессицистских схем прошлое не может быть понято само по себе, оно может быть осмыслено лишь как *подготовка к настоящему*. В рамках такого подхода философские системы прошлого оцениваются в свете более поздних открытий и изобретений, значение определяется их «вкладом» в современное миропонимание. «Понимать мыслителей прошлого лучше, чем они сами себя понимали» — такова господствующая установка прогрессицизма.

Позитивное значение историцизма Штраус усматривает в том, что вера в прогресс и идея прогресса были подвергнуты обоснованной исторической критике, главным мотивом которой бы-

ло стремление к адекватному осмыслению прошлого. Однако историцизм первой половины XIX в., направленный против просвещенческой идеи прогресса, в ходе дальнейшего развития был заменен не неисторической философией, но более изощренной и радикальной формой историцизма.

Родоначальником радикального историцизма Штраус считает Фридриха Ницше, а его крупнейшим представителем — Мартина Хайдеггера. К радикальному историцизму могут быть отнесены также историцистские концепции Дильтея, Шпенглера, Кроче, Коллингвуда и Гадамера.

Радикальный историцизм приобретает черты *исторического релятивизма*. «Типичный историцизм XX века настаивает на том, что каждое поколение по-своему истолковывает прошлое, основываясь на своем собственном опыте и с прицелом на свое собственное будущее» [13, с. 104]. Это уже не созерцательный, но «активистский» историцизм [13, с. 104]. Главный тезис активистского историцизма заключается в том, что история всякий раз неизбежно переписывается в свете настоящего и в связи с проектами будущего.

Штраус полагает, что современный историцизм (исторический релятивизм), отрицая прогрессистские схемы «всемирной истории», господствовавшие в европейской философии истории XVIII и XIX вв., генетически восходит именно к этим схемам.

Осознание философом-историцистом собственной исторической обусловленности само по себе не является аргументом в пользу того, что «его философская рефлексия стоит на более высоком уровне, нежели у философов, особо не озабоченных своей исторической ситуацией» [13, с. 115]. Штраус склонен полагать, что современный сторонник историцизма «куда более подвержен убеждениям и “течениям”, господствующим в его веке, и захвачен ими» [13, с. 115] именно в силу того, что он отказался от намерения смотреть на вещи *sub specie aeternitatis*. Таким образом, историцизм нельзя рассматривать как более высокий уровень философской рефлексии по сравнению с «наивной» классической неисторической философией.

3. Аргументы и возражения Штрауса против историцизма

Остановимся теперь на основных аргументах Штрауса против историцизма, понятого как исторический релятивизм. О некоторых возражениях мы уже упоминали в ходе рассмотрения трактовки сущности и генезиса историцизма в политиче-

ской философии Штрауса. Все возражения Штрауса против историцизма можно условно разделить на две группы. К первой следует отнести те аргументы, которые оспаривают не само содержание принципа историцизма, но приписываемое этому принципу значение в контексте философского и научного познания. Ко второй группе можно отнести содержательные возражения против историцизма.

1.1. Первое и наиболее формальное возражение заключается в том, что *историцизм не может приниматься как нечто само собой разумеющееся, самоочевидное, не нуждающееся в обосновании*.

Признавая относительную правоту *критического* историцизма, Штраус полагает, что так называемое «открытие Истории» в европейской философии Нового времени было не столько *открытием*, сколько *изобретением* [15, с. 37–38]. Если исходить из того, что история (историчность) является исходным и фундаментальным измерением человеческого бытия, которое долгое время ускользало от внимания классической философской мысли, это неизбежно приведет к историческому релятивизму.

Окончательное утверждение принципа историцизма в европейской философии, как известно, связано с критикой гегелевской трактовки философии истории и истории философии в «философии жизни» (Ницше, Дильтей). Гегелевская историософия занимала промежуточное положение между классической (субстанциалистской) философской традицией и собственно историцизмом. Штраус показывает, что отказ от гегелевского взгляда на историю и признание правомерности дильтеевской трактовки истории философии как «анархии философских систем» не является аргументом в пользу самоочевидности историцизма. «Если “анархия систем”, демонстрируемая историей философии, что-нибудь и доказывает, то только лишь наше незнание самых важных тем (о незнании которых нам может быть известно и без историцизма), и тем самым она доказывает необходимость философии» [13, с. 107]. «Анархия философских систем» свидетельствует не в пользу самоочевидности историцизма, но (косвенным образом) в пользу признания необходимости неисторической философии, философии классического типа. Штраус показывает, что историцизм представляет собой не исходную предпосылку познания общества и культуры, которую следует принимать в качестве самоочевидности, историцизм представляет собой *проблему*, которую не-

возможно осмыслить и разрешить *исторически*. Историзм должен быть осознан как *философская* проблема и философский вызов.

1.2. Другое возражение Штрауса сводится к тому, что *историзм не является закономерным выводом из беспристрастного изучения истории философии*. Историзм вообще не может быть обоснован *исторически*, установлен с помощью исторических свидетельств в ходе исторических исследований: «Было бы ошибкой думать, что историзм мог бы быть результатом беспристрастного изучения истории философии, и в особенности истории политической философии» [13, с. 113]. Тезис об историчности всех способов и форм человеческого бытия, историчности философской и научной мысли, историчности истины не может рассматриваться в качестве *исторически обоснованного* положения. Принцип исторической обусловленности философского мышления отсылает не к историческим фактам, но к определенному типу философского мышления. Исходные основания, на которые опирается историзм, оказываются ничуть не менее «спекулятивными», чем основания той или иной неисторической философской концепции [15, с. 25].

1.3. Еще одно возражение из этой группы заключается в том, что *понимание генезиса и исторической обусловленности того или иного философского учения не исключает возможной истинности этого учения*. Согласно историзму главным содержанием историко-философского исследования должно стать *прояснение контекста*, исторических условий возникновения того или иного философского учения. Однако, как показывает Штраус, прояснение отношений между учением и историческим контекстом его возникновения само по себе еще недостаточно для вынесения суждений об истинности или ложности данного учения. Понимание генезиса и историко-культурного контекста возникновения учения, на котором настаивают историзисты, само по себе ничего не может сказать в пользу истинности или ложности данного учения.

Теперь перейдем к содержательным возражениям. Если приведенные выше «формальные» аргументы не выдают в явном виде собственных философских симпатий Штрауса, то содержательная критика историзма осуществляется им с позиций классической философской мысли, в свете сократовского понимания философии как знания о незнании.

2.1. Первое содержательное возражение против историзма может быть сформулировано

следующим образом: *историзм неявно опирается на идею прогресса, которую громогласно ниспровергает*. Данный аргумент направлен по преимуществу против «наивного» или догматического историзма и едва ли может быть применен к историзму критическому. Штраус подчеркивает, что «современная мысль во всех своих формах, прямо или косвенно, обусловлена идеей прогресса» [13, с. 120]. Под «современной мыслью» он понимает, прежде всего, различные формы историзма.

Историзм описывается Штраусом как «гораздо более экстремальная форма новой поусторонности, чем был Французский радикализм XVIII века» [15, с. 21]. Несмотря на то что в немецком романтизме и исторической школе права просветительские схемы исторического развития, основанные на вере в прогресс, подвергаются критике с исторических и идеологических (консервативных) позиций, идея прогресса здесь продолжает подспудно определять философскую мысль. Историзист убежден в превосходстве своей точки зрения над (неисторической) точкой зрения мыслителей прошлого. В этом историзм разделяет основное заблуждение прогрессизма. Историзм является законным наследником Просвещения, несмотря на то, что отвергает идею прогресса и веру в научный разум [16, с. 17].

2.2. Следующее возражение заключается в том, что *историзм не позволяет обосновать возможность адекватного понимания прошлого*. Это возражение выдвигается Штраусом в ходе рассмотрения вопроса о критериях адекватной интерпретации философских учений прошлого. Упрек в неадекватной интерпретации исторических событий и текстов на первый взгляд может вызвать недоумение, поскольку именно сторонники историзма всегда отстаивали идею самоценности прошлого и предостерегали от соблазна видеть в нем только «ступень» на пути к настоящему. Тем не менее, тезис о том, что адекватное понимание прошлого (в том числе и философских учений прошлого) возможно только на основе историзма, ставится Штраусом под сомнение.

Какая интерпретация учений прошлого может считаться адекватной? С точки зрения Штрауса, ответ на данный вопрос может быть только один: «Адекватная интерпретация — это такая интерпретация, которая понимает мысль философа так же, как он понимал ее сам» [13, с. 111]. Штраус усматривает подлинную задачу историка мысли в том, чтобы понять мыслителей прошлого *так, как они понимали сами себя*, и «оживить их мысль со-

гласно их собственной интерпретации» [13, с. 112]. В этом же заключается и единственно возможная «объективность» в историко-философском исследовании.

Историцизм, вопреки первоначальному намерению его сторонников, парадоксальным образом исключает возможность исторической точности и объективности. Историцизм утверждает необходимость понимания мыслителей прошлого в *исторической* манере, тогда как сами они понимали (или могли понимать) себя в *неисторическом* духе. С точки зрения историциста, они просто «не осознавали» собственной историчности. Историцист же ее осознает и в этом смысле понимает мыслителей прошлого лучше, чем они сами себя понимали. Сторонник историцизма убежден в своем превосходстве по сравнению с мыслителями прошлого. Однако, как подчеркивает Штраус, «наше понимание мысли прошлого может быть тем более адекватным, чем менее историк убежден в превосходстве своей точки зрения или чем более он подготовлен принять возможность того, что ему придется научиться чему-то не просто о мыслителях прошлого, а от них» [13, с. 112].

Чтобы понимать то или иное философское учение, мы должны быть в нем заинтересованы, мы должны принимать его всерьез, другими словами, мы должны допускать возможность того, что оно просто истинно [13, с. 112–113]. Философская мысль прошлого должна представлять для нас *философский*, а не только *исторический* интерес. Сторонник историцизма же отвергает эту возможность в отношении любой философии прошлого. «Философы прошлого вписываются в самые различные культурно-исторические контексты, но у них отнимается самое главное — стремление к постижению истины» [16, с. 24].

Историцисты часто ссылаются на неустрашимую множественность различных (и даже несовместимых друг с другом) интерпретаций тех или иных философских учений прошлого как на аргумент в пользу безальтернативности историцизма. Однако возможность различных интерпретаций любого философского учения прошлого сама по себе не свидетельствует в пользу историцизма [13, с. 112].

Таким образом, историцизм, согласно Штраусу, «органически не способен жить согласно требованиям исторической точности, которые он, как могут сказать, открыл» [13, с. 112].

2.3. Последнее и самое фундаментальное возражение, на которое обращали внимание и другие философы XX в. (в частности Э. Гуссерль и

С.Л. Франк), заключается в указании на *самопротиворечивый* характер историцизма. Историцизм, будучи отрицанием универсалистских притязаний классической философии, оказывается внутренне противоречивой установкой в той степени, в которой он претендует на статус универсального принципа познания и практической деятельности. «Сам историцизм принадлежит истории, и его требования можно приложить к нему самому» [16, с. 15].

Историцизм, претендующий на статус универсального принципа, основан на *трансисторической* точке зрения, как и любая доктрина естественного права, которую он отвергает [15, с. 29].

Историцизируя сам принцип историцизма, Штраус предлагает рассматривать его в качестве продукта определенных культурно-исторических условий и выражения состояния умов современной эпохи. Историцизм должен быть избавлен от универсалистских притязаний, только в этом случае из инструмента разрушения философии и рациональности он станет важным аспектом критической рефлексии как таковой.

Подведем итог. Штраус собирает воедино все основные возражения и аргументы, которые высказывались против историцизма представителями различных философских течений XX в. Собственный вклад Штрауса в критику историцизма заключается в том, что он убедительно показал: историцизм как принцип мышления и установка в познании не может иметь *исторического* (фактического, эмпирического) обоснования. Историцизм может иметь лишь философское, но не историческое обоснование. Аналогичным образом позиция историцизма не может быть *опровергнута* историческими фактами, она может быть лишь *отвергнута* во имя какого-то иного (не менее фундаментального, чем сам историцизм) философского принципа. Заслуга Штрауса заключается также в анализе и сопоставлении различных версий историцистской философии, в выявлении их общего знаменателя.

Список литературы

1. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М.: Республика, 1998. 413 с.
2. Гуссерль Э. Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005. 458 с.
3. Поннер К. Нищета историцизма. М.: Прогресс, 1993. 185 с.
4. Франк С.Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. 510 с.
5. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. 527 с.

6. Дёмин И.В. *Философия истории в постметафизическом контексте*. Самара: Самар. гуманит. академия, 2015. 251 с.
7. Дёмин И.В. *Метафизика и постметафизическое мышление в зеркале историософии: монография*. Самара: Самар. гуманит. академия, 2016. 238 с.
8. Дёмин И.В. Проблема единства истории в контексте метафизической и постметафизической философии // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. 2015. № 6(28), т. 2. С. 44–50.
9. Дёмин И.В. Различение первичной и вторичной историчности в метафизике Л.П. Карсавина и в экзистенциальной аналитике М. Хайдеггера // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. 2015. № 1(17). С. 54–64.
10. Дмитриев Т. Спор об основах политического: Лео Штраус versus Карл Шмитт // Социологическое обозрение. 2012. Т. 11, № 3. С. 26–40.
11. Norton A. *Leo Strauss and the politics of American empire*. Yale: Yale University Press, 2004. 256 p.
12. Smith S. *Reading Leo Strauss: politics, philosophy, Judaism*. Chicago: University of Chicago press, 2006. 268 p.
13. Штраус Л. *Введение в политическую философию* / пер. с англ. М. Фетисова. М.: Логос: Праксис, 2000. 364 с.
14. Штраус Л. *Германский нигилизм* // Политико-философский ежегодник. Вып. 6. М.: ИФ РАН, 2013. С. 182–205.
15. Штраус Л. *Естественное право и история*. М.: Водoley Publishers, 2007. 312 с.
16. Руткевич А.М. *Политическая философия Л. Штрауса* // Штраус Л. *О тирании*. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. С. 7–38.
6. Demin I.V. *Filosofiya istorii v postmetafizicheskom kontekste* [The Philosophy of History in Post-Metaphysical Context]. Samara, Samara Academy for the Humanities Publ., 2015, 251 p. (In Russian).
7. Demin I.V. *Metafizika i postmetafizicheskoe myshlenie v zerkale istoriosofii* [Metaphysics and Post-Metaphysical Thinking in the Mirror of Historiosophy]. Samara, Samara Academy for the Humanities Publ., 2016, 238 p. (In Russian).
8. Demin I.V. *Problema edinstva istorii v kontekste metafizicheskoy i postmetafizicheskoy filosofii* [The Problem of the Unity of History in the Context of Metaphysical and Post-metaphysical Philosophy]. *XXI vek: itogi proshlogo i problemy nastoyaschego plus* [XXI century: Resumes of the Past and Challenges of the Present Plus]. 2015, no. 6(28), vol. 2, pp. 44–50. (In Russian).
9. Demin I.V. *Razlichenie pervichnoy i vtorichnoy istorichnosti v metafizike L.P. Karsavina i v ekzistentsial'noy analitike M. Khaydeggera* [The Distinction Between Primary and Secondary Historicity in Karsavin's Metaphysics and in Heidegger's Existential Analytics]. *Vestnik Samarskoy gumanitarnoy akademii. Seriya: Filosofiya. Filologiya* [Bulletin of the Samara Academy for Humanities. Series: Philosophy. Philology]. 2015, no. 1(17), pp. 54–64. (In Russian).
10. Dmitriev T. *Spor ob osnovakh politicheskogo: Leo Shtraus versus Karl Shmitt* [The Debate About the Foundations of the Political; or, Leo Strauss Versus Carl Schmitt]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Sociological Review]. 2012, vol. 11, no. 3, pp. 26–40. (In Russian).
11. Norton A. *Leo Strauss and the Politics of American Empire*. Yale, Yale university press, 2004, 256 p. (In English).
12. Smith S. *Reading Leo Strauss: Politics, Philosophy, Judaism*. Chicago, University of Chicago Press, 2006, 268 p. (In English).
13. Strauss L. *Vvedenie v politicheskuyu filosofiyu* [Introduction to Political Philosophy]. Moscow, Logos, Praksis Publ., 2000, 364 p. (In Russian).
14. Strauss L. *Germskiy nigelizm* [On German Nihilism]. *Politiko-filosofskiy ezhegodnik Vyp. 6* [Political philosophy Yearbook. Iss. 6]. Moscow, IPh RAS Publ., 2013, pp. 182–205. (In Russian).
15. Strauss L. *Estestvennoe pravo i istoriya* [Natural Law and History]. Moscow, Vodoley Publ., 2007, 312 p. (In Russian).
16. Rutkevich A.M. *Politicheskaya filosofiya L. Shtrausa* [The Political Philosophy of Leo Strauss]. *Strauss L. O tiranii* [Strauss L. On Tyranny]. Saint Petersburg, SPbSU Publ., 2006, pp. 7–38. (In Russian).

Получено 24.11.2016

References

1. Rickert H. *Nauki o prirode i nauki o kul'ture* [Natural Sciences and Cultural Sciences]. Moscow, Respublika Publ., 1998, 413 p. (in Russian).
2. Husserl E. *Izbrannye raboty* [Selected Works]. Moscow, Territoriya buduschego Publ., 2005, 458 p. (In Russian.).
3. Popper K. *Nischeta istoritsizma* [The Poverty of Historicism]. Moscow, Progress Publ., 1993, 185 p. (In Russian).
4. Frank S.L. *Dukhovnye osnovy obschestva* [The Spiritual Foundations of Society]. Moscow, Respublika Publ., 1992, 510 p. (In Russian).
5. Jaspers K. *Smysl i naznachenie istorii* [The Origin and Goal of History]. Moscow, Politizdat Publ., 1991, 527 p. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 24.11.2016

Об авторе

Дёмин Илья Вячеславович

кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии и истории

Самарский национальный исследовательский
университет им. акад. С.П. Королёва,
443086, Самара, Московское шоссе, 34;
e-mail: ilyadem83@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-5821-3031

About the author

Demin Ilya Vyacheslavovich

Ph.D. in Philosophy, Docent,
Associate Professor of the Department
of Philosophy and History

Samara University,
34, Moskovskoye hwy., Samara, 443086, Russia;
e-mail: ilyadem83@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-5821-3031

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Дёмин И.В. Критика историцизма в политической философии Лео Штрауса // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 2. С. 190–198. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-2-190-198

Please cite this article in English as:

Demin I.V. Criticism of historicism in Leo Strauss' political philosophy // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2017. Iss. 2. P. 190–198. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-2-190-198